

Николай Ващилин

ИМПЕРИЯ ЗРЯ

История с биографией

Николай Ващилин
Империя Зря.
История с биографией

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21618186

ISBN 9785448329975

Аннотация

История страны СССР и биография строителя коммунизма в коротких рассказах от рождения до смерти. Ни страна, ни человек умерли не внезапно. Автор пытается рассмотреть первопричины гибели страны и её народа.

Содержание

От автора	5
Моё не дворянское гнездо	6
Первое причастие	19
Первый опыт предпринимательства	33
Академия	44
Папа	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Империя Зря

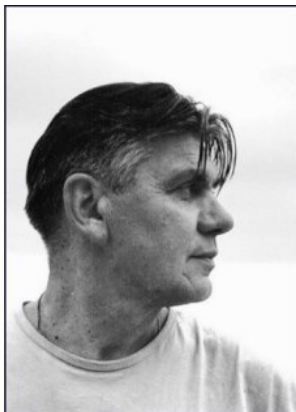
История с биографией

Николай Ващилин

© Николай Ващилин, 2016

ISBN 978-5-4483-2997-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Ващилин

От автора

Я прожил свою жизнь в послевоенном Ленинграде, вновь ставшим Санкт-Петербургом. Рос с бандитами «Васьки», занимался самбо и дзюдо в одном спортклубе «Труд» с Вовой Путиным и стал вице-чемпионом СССР. Подрабатывал в кино каскадёром, освобождаясь от основной работы, ради заработка и встреч и работы с Володей Высоцким, Василием Шукшиным, Олегом Янковским, Василием Ливановым, Олегом Борисовым, Михаилом Боярским, Никитой Михалковым, Марчелло Маджоринни и другими известными актёрами. Служил проректором по учебной работе Всесоюзного института повышения квалификации профтехобразования, позже работал в руководстве компании ТРИТЭ Никиты Михалкова и директором баскетбольного клуба «Спартак» Спб. Строил коммунизм на благо советского народа, защитил диссертацию и получил степень кандидата педагогических наук /13.00.04/, вёл курс трюковой подготовки в должности доцента Академии театрального искусства /ЛГИТМиК/.

Вырастил двоих детей, похоронил, вскормивших меня родителей, «входил вместо дикого зверя в клетку». Все люди пытаются реализовать свои способности, но не у всех это получается. Кого то судьба отвлекает от этого отсиживания в тюрьмах, кого то возносит на трон и вручает волшебную палочку. Но счастье не в этом.

Моё не дворянское гнездо

*Отцу, маме и всем сродникам по плоти
посвящаю это воспоминание.*

Первые проблески сознания в моей детской памяти связаны с Локней – деревней в Псковской области, где я, собственно, и родился. Помню теплые, уютные руки своей бабушки Ани, скрипучие половицы пола, пушистого полосатого серого кота, который давал мне таскать себя за хвост и за голову, но потом в знак протеста гадил посреди комнаты. Помню, как я не любил мыться в жестяном корыте, потому что вода была мокрая, а пена лезла в глаза и очень больно щипала. Я звал маму, кричал, что эти тетki меня закупают. Помню, как приятно было спрятаться от дождя в шалаше, сооруженном моей теткой Люсей у крыльца нашего дома из огромных лопухов. Помню ужас, пронзивший всё моё существо, когда, раскачиваясь на качелях, моя тетка упала, разбила свои колени и еле успела увернуться от летящей на неё качельной скамьи. Свою мать, сморщенную и сутулую старушку, бабушка называла кормилицей. Локня в войну была под немцами и они её сильно разорили. Бабушка сказывала, что покрестили меня в Спасо-Преображенском соборе на краю села, в пределе Николая-Чудотворца, где посреди разрухи теплился Божий дух. Когда кормилица умерла

и голод подобрался к самому горлу, бабушка продала дом, и мы приехали к маме с папой в Ленинград. Они ютились в подвале на Третьей линии Васильевского острова в доме 42. После бабушкиного деревенского дома с пузатой огнедышащей печкой, отмытыми добела досками пола, деревянными лавками под окнами и просторными сенями, трудно было себе представить, ради чего люди могут жить в таких нечеловеческих условиях. Наша семья из пяти человек ютилась в десятиметровой конуре дровяного подвала на 3-ей линии Васильевского острова. Единственным украшением была бабушкина икона Богородицы и родительские гимнастёрки в орденах, висевшие на стене. Шкафа у нас тогда ещё не было. Спали мы на матрацах, набитых сеном и источающих знакомый деревенский дух. Мама пыталась свить там уютное гнёздышко, но получалась сырая, тёмная нора.

Ленинград душил меня маленьким пространством заставленной комнаты и каменным колодцем двора, лишённого травы, цветов и бабочек. Пока бабушка занималась хозяйством, я сидел на дровяных поленницах во дворе и ковырял землю совочком. Потом мы гуляли с бабушкой по набережной Невы, линиям Васильевского острова и глазели на витрины магазинов, выбирая себе подарки на Пасху и Новый год. Вечером после ужина, когда все укладывались на сон в нашем тесном подвале, бабушка, чтобы не будить остальных, шептала мне на ухо сказки. Но больше сказок я любил её рассказы про старину, про то как прапрадеда освободили

от крепостного права и дали надел земли, как он посадил липы и построил свой дом в деревне Барсаново, какой красивый у него был жеребец Шелест и как ловко он ловил рыбу в реке Иссе, как её семья в двенадцать человек жала хлеб на поле с утра до ночи, как за столом нужно было дожидаться пока не возьмёт первый кусок отец Антон, как пешком ходили по воскресениям в Опочку на службу в церковь. Когда рассказ бабушки доходил до гражданской войны, на которой погиб в 1916 ом под Гомелем её дядька Кузьма, гренадер Лейб-гвардии Павловского полка, а потом про деда её Алексея и бабуку Иринью, их сыновей Ивана и Андрея, коллективизацию отрядами чекистов, о войне с фашистами, на которой убили её мужа Якова и сына Толю, глаза мои слипались крепким сном.

На следующее лето мы поехали на Украину, на Черниговщину, к папиным сестрам Ольге и Лидии. Из окна вагона я видел как мимо проносилась Родина, широкие реки с мостами, дремучие леса и бескрайние зелёные поля. Потом мы долго плыли на пароходе по широкой реке мимо разных городов и деревень. На палубе было много детей и мы играли в прятки.

Когда мы добрались до родственников, от усталости я уснул и помню во сне на меня прыгнула огромная черная собака. Я вскрикнул, мама обняла меня и сказала: «Это значит, что скоро приедет папа». Действительно, утром приехал папа и мы, позавтракав творогом с мёдом, побежали ловить

рыбу на Днепр. Мёду в деревне было очень много, потому что все в деревне разводили пчёл и собирали душистый мёд и воск, который продавали государству через кооперативы. Мне было очень обидно, что все в деревне носили ту же фамилию, что и я – Воцилины. Это потому, что фамилии в старину имели только дворяне, а крепостному люду фамилий не полагалось. А когда крепостное право император Всероссийский Александр II отменил, то вольным крестьянам давали фамилии по их промыслу. Вот и получили все мои родственники по папиной линии фамилию Воцилины потому, что разводили пчёл и воцили пчелиным воском верёвки для речных и морских дел.

Поблизости от Днепра мы набрали на пруд, заросший осокой. Папа дал мне маленькую удочку. Забросив свою, тут же вытащил большую, толстую красноперку. Она была очень красивая: желто-серебристая чешуя, красные плавнички и хвостик, желтые глазки. Она часто раскрывала свои жабры и там виднелись красненькие реснички. Я очень хотел поймать такую же, но рядом с папой у меня не клевалось. Я отошел подальше от папы и забросил свою удочку. Мимо в траве прошелестела осокой длинная серая лента, я испугался и закричал. Прибежал папа, убил палкой змею, а меня ладонью больно ударил по попке. Сказал, чтобы я больше не отходил. Отец сажал меня на плечи и я ехал верхом, озирая все вокруг.

Скоро мы пришли на берег Днепра. Он был такой синий

и широкий, что другого берега не было видно. Песок был белый как в сахарнице и громко хрустел под ногами. Пришел папин друг дядя Коля. В его руках была удочка с катушкой и маленькой железной рыбкой. У нас такой не было. Он размахнулся и забросил рыбку далеко и начал крутить катушку. Потом закричал: «Есть!» Над водой взметнулась огромная рыбина с белым брюхом и с брызгами грохнулась в воду. Когда дядя Коля вытащил её на берег, она прыгала как пружина, то и дело, вставая на нос. Я узнал её сразу – это была щука, которую поймал Емеля в своей сказке «По щучьему велению».

У тёти Оли был огромный сад. Белый глиняный дом с соломенной крышей еле виднелся среди яблонь, груш, вишен и абрикосов. У тёти Оли были крупные в трещинках руки и она ими ловко лепила из теста маленькие пирожки с вишнями, которые назывались варениками. Потому что когда их варили, они становились очень вкусными. Особенно со сметанкой. Ветви деревьев гнулись до земли от тяжести плодов. Их подпирали палками, плоды собирали в корзины, но они всё зрели и зрели на ветвях. К осени вся земля в саду была усыпана вкусными фруктами и их нужно было собирать.

Домой мы возвращались на пароходе до Москвы. В Москве у нас была пересадка, нужно было ждать наш поезд и мы пошли в Мавзолей посмотреть на Ленина. Долго и молча стояли в очереди. Лица у людей были грустные, как в очередях к зубному врачу. Мне было очень страшно, я бо-

ялся похорон и не любил смотреть на трупы. Ленин лежал в гробу весь жёлтый. Видимо спал. Мы тихо на цыпочках вышли на улицу, чтобы его не разбудить, и поехали домой.

Пересаживаться было очень трудно, потому что пока мы с папой ловили рыбу и валялись на скрипучем белом песке, мама наварила много ведер абрикосового и вишнёвого варенья. Чтобы носить эти ведра у нас не хватало рук. Я сидел, охраняя моё любимое варенье, а мама с папой носили ведра в вагон. Радость встречи с моими дворовыми друзьями меня переполняла, мне скорее хотелось рассказать про всё, что произошло со мной летом в далеком, неведомом им краю. Трамвай медленно ехал по Дворцовому мосту. Пряча своё нетерпение и радость, я поглядывал в окно и видел как такие же трамваи светились в темноте окнами, перекатывались по горбам мостов и отражались в темных водах Невы.

Долгими осенними вечерами, сидя на поленицах дров, мы дождались морозов, покатались на коньках, получили подарки от Деда Мороза, поздравили с Восьмым марта мам и бабушек своими поделками, в день птиц к празднику Благовещения Пресвятой Богородице повесили им новые скворечники и дружно пошли на первомайскую демонстрацию, любоваться парадом военных кораблей на Неве и разноцветным салютом. В школьном саду зацвела сирень, и снова накатило лето. Родители работали не покладая рук на стройках и выбиваясь из сил на заводах и фабриках, а летом им давали отпуск. В отпуск мы ездили на отдых в деревню, подышать

свежим воздухом и набраться сил на весь год.

На следующее лето мы поехали в Идрицу, к деду Антону, отцу маминого первого мужа Еремея, погибшего во время войны. Он встретил нас на станции, усадил на телегу с сеном и отвез в свою деревню Большие Гвозды, в свой дом. Помню длинное крыльцо амбара, светлую горницу с половиками и множество сказочных избушек в саду, повернутых к нам задом, а к лесу передом. Никакие мои заклинания типа: «Избушка, избушка повернись к лесу задом, а ко мне передом» не помогали. Дед Антон запретил мне подходить к этим избушкам, но я запрет нарушил и пошел. В избушках кто-то жил, гул жизни был хорошо слышен, даже если не заглядывать в узкую дверцу. Но я заглянул... Как ветер на меня налетела темная туча и начала больно кусаться. Как я узнал позже, это были пчелы. От их укусов я распух и стал красным, как помидор. У меня поднялась температура. Бабушка уложила меня в постель и чем-то обмазала, а дед причитал, что так мне и надо, потому как я нарушил его запрет. Пока я был опухший, меня в деревню не выпускали. Я лежал на лавке, вдыхал аромат сушёной травы, исходящий от матраца, и ждал, когда бабушка откроет печь с мигающими угольками и длинным ухватом достанет оттуда чугунок с гречневой кашей.

– Дед, а из чего пчелы делают мед?

– Из цветов.

Он сломал веточку липы и дал мне понюхать. Липовые

цветки благоухали нежным ароматом.

– Вкусно?

– Вкусно.

– Эту липу еще мой дед посадил.

– Как? У тебя был дед? Ты же сам дед!

– Я тогда не дедом был. А таким же пострелом, как ты.

Спать в деревне долго не давал петух. Красивый, рыжий с разноцветными перьями в большом, изогнутом дугой, хвосте. Чуть свет, Петя начинал кричать, будить всех на работу. Кричал он долго и настойчиво. Сначала бабушка выгоняла корову Розу и та шла за пастухом в поле, жевать траву и добывать нам молочко. Потом дед шёл на конюшню и запрягал Стрелку. Стрелка была жерёбая и с трудом помещалась между оглоблями телеги. Потом мы с дедом ехали в луга, ворошить сено. Дед брал грабли и поддевал ими пучки скошенной травы и та, источая дивный аромат разнотравья, превращалась на солнце в лёгкое, душистое сено. Сено дед складывал под крышу амбара и кормил им всю зиму Розку. Розка ела его с аппетитом и давала нам молоко, творог и сметанку. А сено лежало, делало вкусным воздух в амбаре и никогда не портилось, потому что было сухое. Вот если бы траву замочило дождём, она бы сгнила и не превратилась в сено. А ещё сено нужно было для того, чтобы на него складывать антоновские яблоки, которые начали падать с яблонь прямо на землю, где им было холодно и не уютно. А на медовый Спас дед качал мёд. Он доставал из ульев соты, которые

за лето из воска смастерили пчёлы и наполнили их сладким мёдом из разных цветков. Дед разговаривал с пчёлами, похваливал их за собранный мёд. С молитвой «Господи, благослови!» дед вставлял их в крутильную машину, чтобы мёд из сот стекал в бочку. Но мне соты больше нравились. Их можно жевать и сладость долго остаётся во рту. Вечерами, когда я забирался к деду на печку и уютно сворачивался возле него на соломенном тюфячке, он рассказывал мне о своём детстве, о тяжёлой работе в поле, о войне, в которой фашисты убили его сына Еремея и всю родню, извели всех коров, лошадей и пчёл и гладил меня по голове своей морщинистой тёплой ладонью.

По утру дед повёл меня в амбар пробовать новый мёд. Когда он приоткрыл дверь амбара, в нос ударил такой сладостный запах, что голова закружилась. Сено, сотовый мед, антоновские яблоки, веники разной травы и солнечные лучи, пробивающиеся через соломенную крышу. Казалось, что они тоже пахнут.

После Ильи-пророка пошли грибы. Мы с бабушкой отправились в лес. Надо было перейти речку. Мост был деревянный и простирался на сваях низко над водой. Я «присох» к перилам из гладких круглых жердей и не мог оторвать взгляд от длинных зеленых водорослей, которые плавно извивались в быстрых струях прозрачной воды. На желтом песчаном дне между водорослями проплывали какие-то огромные темные тени. Бабушка сказала, что это рыбы.

– Я хочу их поймать.

– Потом. Пойдем в лес.

Бабушка еле меня оттащила, пообещав, что скоро мы пойдём на реку ловить рыбу.

Лес, в который мы пришли через поле зеленого шелкового льна, бабушка называла бором. Бор – это когда редкие высокие сосны растут из земли устланной чистым, чистым ковром серо-серебристого мха. Как будто кто-то сделал уборку. На этом мху очень хорошо виднеются коричневые грибочки на толстых белых ножках. А ещё мы набрали красных ягод с невысоких кустиков брусники. По деревьям прыгали белки и стучал длинным носом дятел. Я так устал, что домой бабушка везла меня на спине, на закурках.

Поход на реку я клянчил долго. Бабушке всё было некогда. Она полола грядки, солила огурцы, сушила грибы, собирала яблоки, доила корову, кормила хрюшек. Одевалась бабушка скромно. Гораздо важнее для неё было одеть в яркое платье огородное пугало, чтобы сохранить от птиц урожай. А когда пугало выцветало на солнце, бабушка наряжала его в новое платье, а его выцветшие лохмотья стирала с душистыми травами и одевала на себя. И вот, наконец, бабушку Аню позвала соседка полоскать постиранное бельё на реке.

– Пойдём на рыбалку рыбак, – сказала она и взяла на плечо коромысло с ведрами, набитыми скрученными простынями и наволочками.

Мы пришли на пологий песчаный берег. Река в этом месте

делала поворот, была мелкой и прозрачной.

– А ты говорила, что Илья-пророк льдинку приволок, а вода тёплая.

– Это брод, – сказала бабушка, – здесь мелко и скот гоняют.

Мне это не испортило настроения, а даже наоборот. Вода еле доходила мне до коленей, и там виднелось множество мелких рыбёшек.

– Сейчас сделаем бредень. Мы с моим отцом так ловили рыбу.

– Что такое бредень. Он бредит? Как я с ангиной?

– Не он бредит, а с ним бредут по воде и ловят в него рыбу.

Она развернула белую простынь, взяла её за один конец, а мне дала другой. Мы зашли в воду по пояс, погрузили простынь и потащили её к берегу. Простынь туго изогнулась, и на её белом фоне засверкало и заискрилось множество мальков. От ликования у меня сжимало горло и дрожали руки и ноги.

– Скорей, скорей, – торопила бабушка.

В воде ноги еле-еле передвигались и к берегу остановились совсем. Рыба шустро выпрыгивала из простыни во все стороны. Всю дорогу домой я ревел, как говорила бабушка, крокодиловыми слезами. Дед меня успокаивал. Рыбалка это не женское дело. Завтра пойдем к соседу, он настоящий рыбак, соблазним его.

По пути к соседу мы зашли на конюшню. Дед хотел пока-

зять мне народившегося жеребенка от гнедой. Гнедую звали Стрелка, а жеребенку имя еще дать не успели. Ему шел второй день отроду. Он носился по леваде как сумасшедший, внезапно резко останавливаясь и вскидывая голову. Гнедая стояла у изгороди и смотрела вдаль, о чем-то думала. Может о его будущей жизни, а может о своей. По дороге в ночное погнали табун. Воздух наполнился пылью, ржанием и топотом копыт. Я прижался к деду. Он взял меня на руки:

– Не бойся, паря. Гляди, какие красавцы.

Но мне не терпелось к соседу, соблазнить его на рыбалку. Соседа звали Игнатом. У него была такая огромная борода, что лица его не было видно, только щелочки веселых глаз.

– Ну, Антон, показывай наследника.

– Он что, Дед Мороз? – спросил я, когда уселся к деду на колени.

– Не-е, он тоже из староверов. Они бороды не бреют.

– Вот Игнат, пришли соблазнить тебя на рыбалку. Внуку не терпится.

Пришла хозяйка, начала делать козу и тыкать меня пальцем в живот. Мне стало щекотно. Я вскочил и убежал в угол комнаты, где висела икона Николая Чудотворца.

– А-а-а, – протянула хозяйка, – к защитнику прячешься.

Они начали шмыгать чаем из блюдец. А я слонялся по горнице и ждал, когда договорятся о рыбалке. Вдруг я увидел на окне необычайной красоты часики на цепочке. Мне было не отвести глаз. Почему такие красивые часики

лежат тут одни. Они, что, ничьи, подумалось мне? Я обрадовался, что они ничьи и больше себе не задавал лишних вопросов. Я взял с подоконника часики и положил их в карман своей рубашки. Мне сразу захотелось домой. Я даже забыл, зачем мы сюда пришли, забыл про рыбалку. Я подошел к деду, заныл и потянул его за полу пиджака. Прощание затянулось. Уже на крыльце дед меня спросил, не забыл ли я чего. У меня стучало в висках и очень хотелось оказаться на улице. Когда мы вышли за околицу, над полем низко висело солнце. День клонился к закату.

– Ты ничего не забыл, внучек? – снова спросил дед. Я потупил взор и захныкал.

– Я тебе хочу рассказать один секрет.

– Какой?

– Ты знаешь, кто берет чужое, после захода солнца умирает и попадает прямо в ад, к чертям.

Я онемел. Я смотрел на деда и не знал, как ему сказать правду. Солнце стало большим и красным и уже лежало своим боком на колосках ржи. В небе неистово звенели жаворонки. Они все были против меня. Заодно с дедом.

– Дед, подожди меня, я забыл.

Я со всех ног рванул назад к Игнату.

Первое причастие

В нашей семье православные праздники чтили и праздновали всегда. Больше всего я ждал куличей на Пасху и крашенных яиц, которыми мы играли в разные игры. На Крещение Господне ходили в церковь за Святой водой, а на Масленицу объедались блинами. Пост, по правде сказать, длился в стране круглый год. Великий пост после великих грехов. Народ голодал после войны.

Я не помню своего крещения, видимо оно совершалось в безсознательном моем возрасте, но помню, что к маме приходила подруга тетя Соня, и мама говорила, что эта моя крестная мать, и я должен ее слушаться. В Локне, куда бабушку занесла война из родной Опочки, старинная Спасо-Преображенская церковь ожила сразу после освобождения от немцев в 1944 году. Бабушка Анна, сорокапятилетняя, измождённая войной, женщина с шестилетней младшей дочерью Люсей и раненой на фронте, двадцатилетней старшей Сашей, выживали на картошке, ягодах и грибах. На работу бабушку никуда не принимали из-за деда, расстрелянного смершевцами в 1943 в Завидово, где он нёс службу дорожным мастером. Отец, двигаясь на Запад с наступающими частями Советской армии, разглядел в деревенской толпе мою будущую мать и пообещал вернуться к ней после Победы. Демобилизовался он только в 1946, но слово своё сдер-

жал. Работать устроился на Локнянский маслозавод, благодаря чему и выжил наш, поражённый в правах, Опочецкий род Антоновых и Григорьевых.

Настоятель Спасо-Преображенского храма протоиерей Владимир Пятницкий вёл службы проникновенно, но с особенной радостью крестил новорождённых послевоенных детишек. Уж больно много народу погубили изверги в наших местах. Скота порезали-пожрали видимо-невидимо и, как подсчитали в сельсовете, извели полторы тысячи семей пчёл. И где же теперь медку липового к чаю взять?

Бабушка бережно колола щипчиками кусковой сахар, велела мне держать его за щекой и долго сосать. Сахар, хоть и был твёрдый как камень, почему-то таял в моём рту очень быстро. Помню как мама в мой день рождения, подавая праздничный пирог, рассказывала, как в роддоме врач ее торопила с родами, чтобы не отнять у меня счастье. Вот и родился я 7-го апреля 1947 года в Благовещение Пресвятой Богородицы, и тем самым был награжден великим праздником в день своего Рождения. И любую грусть-тоску в этот день заслоняла великая радость – Благовещение Богородице.

Мне было около двух лет от роду, когда мои родители в поисках лёгкой жизни приехали в Ленинград. В деревне после войны есть было совсем нечего. Первое время родители снимали угол в дальнем краю Васильевского острова с веселеньким названием «Голодай». Старожилы утверждали, что раньше при царе это место называлось «Холидей»,

что в переводе на русский означало – веселое времяпрепровождение, каникулы. Но с тех пор как царя убили в стране Советов голодать не переставали.

Когда папа устроился управдомом, нам дали комнату двенадцати квадратных метров в полуподвале дома №42 по 3-й линии Васильевского острова. Помещение больше напоминало братскую могилу, но мама упорно пыталась свить уютное гнёздышко. Немногочисленные наши вещи и фотографии мама живописно развешивала на стене. Вещей было так мало, что большая часть стен оставалась пустой и обнажала неприглядную облезлую картину, на которой мне мерещились моря, горы и рыцарские замки. Самым красивым экспонатом были родительские гимнастёрки с орденами и медалями. Они поблёскивали в полутьме серебром и отливали красно-вишнёвой эмалью. В плохую погоду, когда гулять во дворе было заказано, мама разрешала мне ими поиграть. В углу красовалась круглая железная печка, согревавшая нас своим теплом. Дрова нужно было покупать на складах, пилить, колоть и складывать в поленницы во дворе. Одинокую электрическую лампочку под потолком мама заботливо укутала бумажным жёлтым абажуром, подаренным китайцем Сяо, за которого вышла замуж мамина подруга Лиза. Вдоль стен уместились три матраца на деревянных чурках, покрытых бабушкиными лоскутными одеялами и подбитыми по низу её же кружевами. Она плела их из ниток маленьким железным крючком, прикрывая и щуря свои подсле-

поватые глаза. На подоконнике жадно тянулись к свету столетник с геранью, пленённые кем-то в далёких южных странах.

Окно было вровень с тротуаром улицы и в окне целый день мелькали ноги прохожих. Часто с соседскими мальчишками мы забавлялись над прохожими из моего окна. Сделав конфетку из глины, завернув ее в фантик от конфеты, бросали на тротуар, привязав за ниточку. Когда кто-то из прохожих пытался конфетку поднять, мы дергали за нитку и заливались хохотом.

Когда я оставался в комнате один от шорохов в тишине мурашки бегали по коже. От страха спасало радио, из которого лилась музыка. Иногда, в дождливую погоду, я слышал как по радио рассказывали сказки. Дикторша добрым и вкрадчивым голосом медсестры говорила: «Здравствуй, дружок».

Мне казалось, что усыпив мою бдительность, она начнет делать мне уколы. В голодное послевоенное время дети много болели и их постоянно лечили уколами. Но постепенно проделки Иванушки-дурочка или Емели захватывали всё моё воображение.

Когда мы устроились на новом месте мама решила забрать из деревни бабушку со своей младшей сестрой Люсей. Мама работала в больнице у Тучкова моста. Когда приехала бабушка, мы в уголке коридора устроили кладовку с дарами из дедушкиного амбара. В минуты одиночества и тоски я за-

совывал голову в кладовку и дышал запахом антоновских яблок, мёда и разных трав, переносящих меня в моё детство.

С приходом бабушки моя жизнь приобрела новое расписание. Я уже не сидел один во дворе в ожидании, когда вернутся с работы отец и мать, и часами глядя на шпили дома в готическом стиле на пятой линии. Дом виднелся виднелся в глубине двора, и я представлял себе что это замок, где живет принцесса. Мы с бабушкой гуляли по линиям Васильевского острова и изучали местность, которая должна была стать нашей новой родиной. По Среднему проспекту ездили трамваи, истошно визжа на поворотах своими железными колёсами. Машины разгоняли гудками прохожих, по своей рассеянности бросавшихся под колёса, перебегая улицу в запрещённых местах. Но самую большую радость я испытывал, когда слышал цокание копыт и долго бежал за телегой, запряжённой лошадкой с красивой упряжью, сверкающей на солнце десятками кругленьких латунных заклёпок. Гужевой транспорт был самой тесной связью с нашей прежней жизнью.

Вскоре мы набрали на Андреевский рынок. От него пахло деревней и жизнь обретала знакомые вкусы и не казалась такой чужой и казённой. Торговые люди приезжали на рынки из окрестных сел и деревень и бабушка искала, нет ли среди них земляков. Гонимая войной, семья давно покинула Опочку и скиталась по чужим местам, но часть родных осталась в оккупации под немцем. Кто-то из торговцев оказал-

сыя родом из Пскова, и она стала расспрашивать его не слышал ли он чего-нибудь о брате ее Иване и сыночке Анатолии, не объявлялись ли они где-нибудь в родных местах? И хоть она получила похоронку на сына, но верить в это не хотела и ждала чуда.

Рядом с рынком возвышался колокольной Андреевский собор, но люди превратили его в какое-то новое учреждение, от которого веяло холодом и злобой. Входить туда было нельзя. На углу Малого проспекта и 7-й линии стояла разрушенная и осиротевшая церковь Благовещения. Вокруг нее был сквер и играли дети. На углу Среднего и нашей 3-й линии в здании Лютеранской кирхи Святого Михаила громыхали станки какого-то завода, а на Съездовской линии зиял темными окнами собор Святой Великомученицы Екатерины.

Еще дальше на набережной Невы в церкви Успения Божией Матери дверь была открыта, и мы вошли с надеждой помолиться. Роспись стен рабочие замазывали белой краской. Весь церковный пол был залит цементом. В церкви строили каток для фигуристов. Бабушка начала рыдать и читать молитвы. Измазанные краской рабочие выгнали нас на улицу. Бабушка долго плакала и сквозь рыдания щебетала: «Господи, помилуй нас грешных».

Вечерами бабушка вязала и рассказывала мне сказки. Из деревни она привезла с собой толстую книгу, но картинок в ней не было, а читать, ни она, ни я не умели. Эта книга лежала «мертвым» грузом. Бабушка мечтательно говорила,

что когда я вырасту и пойду в школу, тогда я все в ней прочитаю. Эта отдаленная перспектива меня радовала мало, и я уговаривал ее рассказать мне сказку или какую-нибудь старинную историю из ее жизни.

По воскресным дням у мамы и папы был выходной. Они отсыпались после тяжелой трудовой недели. Чтобы им не мешать бабушка выставляла нас с Люсей гулять во двор, а потом выходила сама, и мы шли в церковь. Церковь находилась на другом берегу Невы, на Петроградской стороне – Успенский собор Равноапостольного Князя Владимира. Долго уговаривать меня нужды не было, и причина этого крылась вот в чём. Вышло так, что к своим пяти годам я ужасно боялся смерти. На нашей улице прямо на моих глазах автобус задавил пацана из нашего двора. Обычно дети нашего дома играли в своем дворе. Двор был узкий и завален поленицами дров. Можно было играть в прятки, пятнашки, колдуны, пристенок или на спор, кто смелее, прыгнуть с крыши деревянного сарая. Однажды зимой я прыгнул из окна второго этажа и стал чемпионом двора по смелости. В мяч играть соседи запрещали, потому что мы часто били им стёкла. Для игры в мяч мы ходили на школьный двор напротив нашего дома через улицу. Можно было покататься на «колбасе» трамвая. На остановке нужно было подсесть на любой торчащий предмет или выступ вагона и трястись по среднему проспекту, пока кондуктор тебя не сгонит.

По нашей улице изредко проезжал автобус маршрута

№44. Мама все время просила меня переходить улицу осторожно. Зимой улицу заносило снегом, а снег укатывало машинами до невероятной скользкости. Мальчишки постарше придумали забаву – скользить за автобусом, ухватившись как нибудь за автобус. На повороте со среднего проспекта, где автобус замедлял ход, пацаны цеплялись длинными проволочными крючьями за задний бампер и тащились за автобусом, кто на коньках, кто на подошвах своих ботинок.

В ту злопамятную зиму я, как обычно ждал, когда пройдет автобус, чтобы перейти улицу. Когда автобус поравнялся со мной, я увидел, как пацан, тащившийся за автобусом на коньках, подскочил на кочке и, вперед ногами, ускользнул под колеса. Когда автобус отъехал, на снегу лежал этот мальчик с раздавленной головой в луже крови. Как из-под земли собралась толпа зевак и смотрела на мертвого мальчика. Спасти и помочь ему уже никто не мог.

Мне стало плохо, меня затошнило, и я несколько дней бредил с высокой температурой. Пацана хоронили всей улицей, но скоро об этом все забыли и снова цеплялись и скользили за автобусом. Но не я. Я запомнил этот кошмар на всю жизнь. Смерть стала для меня ощутимой, свирепой карой.

На улицах после войны было много инвалидов. Особенный страх на меня наводили полулюди, люди без обеих ног. Они не ходили, а ездили на дощечках с колесиками из подшипников, опираясь о землю деревянными колодками. Дома мои родные часто вспоминали и горевали об убитых

на войне родственников. Бабушка плакала о своем сыне Толе и муже Якове. Мама горевала о своем первом муже Еремее. К нам в гости часто приезжал его брат Вася с женой Валей, и тогда за столом дело доходило до слез и долгих рыданий.

Я тоже горевал о них, но ужас у меня вызывала мысль о том, что когда-нибудь умру и я. Тогда я спрашивал папу, вернемся ли мы когда-нибудь после смерти на Землю?

– Нет – твёрдо отвечал папа.

– Никогда?

– Никогда!

– Никогда, никогда, никогда???

– Никогда, никогда, никогда!!!

Мне становилось так страшно, что я боялся на ночь закрывать глаза.

Бабушка меня успокаивала:

– Не бойся, внучек. Когда мы умрем, мы попадем в Царство Небесное. Там живет Боженька с ангелами и святыми. Там хорошо!

– А где это?

Бабушка показывала на небо. Действительно там было хорошо. Под голубыми небесами плыли пышные, как французские булки, облака, щебетали птички. Иногда шел дождь. Тогда бабушка говорила, что Боженька с ангелами плачут о нас. Когда гремел гром – по небу ехал Илья-пророк на колеснице. Вечером царство небесное сияло мириадами звезд, и загадочно улыбалась луна. Там везде, конечно, жили люди.

Те – умершие, хорошие. Потому что плохих в аду жарили в котлах внутри вулканов.

И вот, однажды, в пятый день моего рождения, бабушка повязала чистый платок и сказала:

– Пойдем в церковь причащаться.

– Не хочу.

– Пойдем. Я тебе Царство Небесное покажу. И Боженьку.

– А там есть?

– Есть.

Я пошел.

К Тучковому мосту от нашего дома можно было дойти двумя путями. Первый, по Среднему проспекту мимо универмага, где стояло чучело медведя, мимо рыбного магазина, где в витринах стояли аквариумы с живыми карпами и было много других соблазнов. Мы пошли вторым путем, потому что опаздывали на службу. Он был более короткий и шел через банный проходной двор, узкий и темный. По двору ходили красные распаренные люди с вениками. Пахло сыростью, и вспоминались, как наказание, банные дни с длинными очередями, горячей водой и жесткой мочалкой. Баня была единственным местом, где можно было отмыть нательную грязь, скопившуюся за неделю. В нашей подвальной квартире был туалет и одна чугунная раковина с краном, из которого текла ледяная вода.

Сначала я ходил в баню с мамой и бабушкой. Очереди были огромные. Мы часами стояли молча. Говорить, когда ря-

дом чужие люди, было не безопасно. Зато мылись быстро, по-деловому. Сначала мыли меня, выводили в раздевалку, заворачивали в простыню. Я ничего особенного не замечал. Баня как баня. Моются тетки. Но вскоре тетки стали кричать, возмущаться, ссориться с мамой. Что, дескать, мужика водите, глазеет на нас, мыться спокойно не дает.

И с этих пор я начал ходить в баню с папой. Для меня вокруг оставалось все таким же. Мылись вокруг голые тетки, теперь стали мыться голые дядьки. Но теперь баня стала мукой, так как папа мыл меня горячей водой и брал с собой в адскую парилку, где у меня болела голова.

Когда мы с бабушкой шли через банный двор у меня возникали эти неприятные воспоминания. Но зато этот путь был короче.

Тучков мост дыбился, как гора, заслоняя собой весь белый свет. В Неве около моста извивались и струились длинные гибкие водоросли, и пацаны закидывали к ним с моста свои удочки и проволочные сетки на длинных веревках. Взобравшись на середину моста, очень хотелось посмотреть на реку, глубокую воду в водоворотах, проплывающие буксиры, из труб которых валил черный дым, а если повезет, то и на речной трамвайчик, полный разодетого веселого народа, отдыхающего в воскресный день. Хотелось покормить скользящих по воздуху чаек, посмотреть далеко в даль, где виднелось море. Но бабушка тянула за руку, торопилась на службу. С середины моста, как с вершины горы, за двор-

цом Бирона виднелась церковь с высоченной колокольней, утопающей в кронах деревьев церковного сквера. Она, эта колокольня, как свеча упиралась в небо своим сверкающим крестом, а за ней светились золотом кресты четырёх куполов, и слышался звук колокола. С моста под горку шло легко и быстро.

Перед церковью толпилось много нищих. Мы прошли через их строй и взошли на паперть. Люди крестились и кланялись. Бабушка показала мне, как надо перекреститься, сложив пальцы в троеперстие, и мы вошли в мерцающий свечами и золотом полумрак храма. Меня поразила огромная его высота. Там, в вышине, пели ангелы. От чего то я заплакал. Мне стало страшно от таинственности и я прижался к бабушке. Народу было много и из-за них ничего не было видно. Мы пробирались все дальше и дальше. Сладостный запах ладана похожий на разнотравье дедушкиного амбара ударил мне в ноздри. Какой-то очень громкий мужской голос закричал какое то непонятное слово «вонмем». Мне показалось, что ловят грешников, чтобы наказать их. Мы протиснулись, наконец, к большой золотистой иконе со ступеньками. На ступенях сидели дети, такие же, как я и ещё меньше. Их было много. Бабушка сказала, что это Николай Чудотворец, чтобы я сидел около него и ждал, а она пойдёт исповедовать свои грехи.

– А я?

– Тебе еще рано, у тебя еще нет грехов – сказала бабушка.

– Как? А за что же вы меня лупите и ставите в угол голыми коленками на гречневую крупу?

Какая-то рыжая девчонка не давала мне сосредоточиться на мыслях о моей не заслуженной каре. Ей хотелось знать, как меня зовут. Я не отвечал и уклонялся от её приставаний. Хотелось молчать и слушать пение. Когда пришла бабушка, мы снова стали протискиваться сквозь людей. Вдруг все затихло и все встали на колени. И бабушка тоже. Я подумал, что сейчас нас всех начнут бить ремнем за грехи. Бабушка вытерла мне слезы уголками своего платка и сказала, чтобы я не плакал, и что сейчас начнут причащать. Все стихло. В огромной красивой стене открылись огромные двери в ярко освещенную залу, посреди которой стоял стол. Батюшки в золотых одеждах пошли к нам, неся в руках какие-то свертки. Бабушка сказала, что это Дары. Я обрадовался. Я любил подарки. Жили мы очень бедно, и редко кто-нибудь что-то дарил. Когда батюшки с Дарами подошли к нам ближе, я увидел Бога. Он светился в красной и синей одежде в глубине алтаря. Он был красивый и добрый. Не было, похоже, что он хочет нас наказывать. Из алтаря, где был Бог, веяло свежей прохладой. Бабушка подвела меня поближе, и сказала, чтобы я назвал свое имя.

– Коля – сказал я батюшке.

– Причащается раб Божий Николай Честнаго и Святого Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов своих и в Жизнь Вечную.

– Вот!!! – возликовал я. Вечную...

Батюшка зачерпнул из чаши и поднес мне чего-то в ложечке. Я открыл рот и проглотил что-то очень вкусное. В то время так баловали не часто. Тот, кто давал лизнуть мороженое, становился другом на всю жизнь. Батюшка ткнул мне донцем чаши в нос и начал причащать бабушку.

– Анна, – сказала бабушка священнику.

Я смотрел на Бога в алтаре. Он мне очень нравился. Бабушка взяла меня за руку и потянула куда-то в сторону, в толпу людей, которые от меня всё заслонили. Бога стало не видно. Потом бабушка подняла меня, чтоб я поцеловал икону Николая Чудотворца. В ушах у меня звенели голоса ангелов, из глаз катились слезы от схлынувшего, непонятного страха и неизвестности.

Когда мы вышли из церкви, в вышине раздался звон колокола. На душе было легко и радостно. Около входа стояли искалеченные люди и тоже радовались. Бабушка давала им копеечки и они благодарили:

– Спаси Бог!

Мне было хорошо. Я теперь точно знал, что после смерти есть Жизнь Вечная, есть Царство Небесное! Красивое, уютное. И знал, где оно находится. За Невой. На Петроградской стороне.

Первый опыт предпринимательства

Досуг послевоенных ребятишек больше всего был связан с игрой в войну. Мы делились на наших и немцев и гоняли друг друга по дровяным сараям палками, которые изображали автоматы или шашки как в фильмах «Звезда» или «Чапаев». Двор наполнялся криками «бах, бах» и «падай, ты убит». Те, кто изображали отряды наших бойцов, густо обвешивали свои обноски родительскими орденами. «Немцам» было приодеться труднее, да и вообще их набиралось мало. Большинство из нас отказывались изображать немцев, и их отряды были малочисленны. За это они получали в игре более выгодные позиции, и победа «нашим» доставалась не сразу и не легкой ценой. Раненый боец должен был смиренно лежать на сырой земле, уставившись в прямоугольник синего неба нашего узкого двора-колодца и ждать, когда медсестра его перевяжет.

Когда в войну играть надоедало, мы шли через банный проходной двор на Неву, к Тучкову мосту. Там на берегу высились огромные горы песка, который привозили баржи для строительства. Мы лазали по горам, кувыркались, рыли пещеры. Часто пробирались на баржи и играли в капита-

нов. Матросы нас гоняли, но без злобы. Наглядевшись смертей, они ценили наши крики, как арии Энрико Карузо. Мимо проплывали черные буксиры, дымили черным дымом и на тужно тащили за собой баржи с разными грузами. Город отстраивался после войны.

Если на песках места хватало всем, то на отвалах завода Козы случались массовые потасовки за место под солнцем. Туда из цехов завода им. Козицкого выбрасывали множество бракованных деталей, и мы собирали там свои коллекции блестящего, вертящегося и пружинящего, из которого дома делали свои игрушки. Мастерили машины, поезда, самолеты. Некоторые собирали настоящие «вечные» ручки, которыми можно было писать, если достанешь чернил для заправки. Но они часто протекали и пачкали карманы, за что нам сильно доставалось от матерей. Ребята постарше умудрялись такие вечные ручки продавать сверстникам и зарабатывать копеечку на конфеты или эскимо. Иногда даже на эскимо в шоколаде.

Копеечки у многих позвякивали в карманах. Одни спрашивали их у родителей или экономили на школьных завтраках, другие выигрывали в пристенок. Пристенок это любимая игра шпаны по отъему денег у младших «шнурков». «Шнурок» первым должен был ударить своей монеткой о стену, чтобы она со звоном отскочила подальше. Кру-

той бил своей монетой о стену, она отлетала и падала поблизости от монеты «шнурка». Верзиле оставалось только дотронуться до обеих монет своими загребущими растопыренными пальцами и денежки уплывали в его карман под грустный, тихий стон «шнурка».

Моим любимым занятием было собирание кусочков цветных стёклышек во дворе Академии художеств. Там раньше была мастерская Михаила Ломоносова, в которой он делал мозаику и весь двор был усыпан мелкими разноцветными осколками. Набрав их целые карманы мы шли на причал к сфинксам и отмывали их невской водой, а потом украшали ими свои скромные жилища или меняли на другие драгоценности.

Игрушек после войны у детей нашего двора на Васильевском острове в районе Голодай было не много. Мяч можно было пнуть ногой раз в год, да и то за особую заслугу перед его владельцем. Чаще обычного играли в войну, надев отцовские гимнастёрки с орденами, вооружившись палками и прыгая по поленницам дров.

Но весь двор замирал и собирался у дверей прачечной, когда Вовка, сын дворничихи тёти Тони, выносил шайку с мыльной водой, пока его мать полоскала белье, и начинал пускать мыльные пузыри. Он делал пузыри из мыльной воды,

которую должен был слить в канализацию, надувая их через соломинку. Никто во дворе не умел делать такие огромные мыльные пузыри. Весь люд нашего двора, включая героев войны и труда, с восторгом ожидал рождение каждого во-скиного мыльного пузыря и неистово крича, присваивал пу-зырю какое-нибудь название. Арбуз, Германия, Велосипед, Квартира... Пузыри надувались огромные и неслись по ветру через весь двор, переливаясь на солнце разными цветами и приобретая на ветру загадочные формы. Казалось, что всё пространство двора, становилось волшебным разноцвет-ным миром и мы бегали, задрав головы и пытались ухватить какой-нибудь шарик. Но как только наши руки прикасались к этому чуду, шары лопались и исчезали без следа. Тогда двор оглашался дружным смехом и криками «Лопнула твоя квартирка!» или «Германии-капут!».

Но время проходило незаметно, солнце пряталось за вы-сокими домами и во дворе сгущались сумерки. Приходила пора возвращаться домой, к долгожданному придуманному матерью ужину. Но ночью, сладко сопя во сне под ватным одеялом, многие из нас продолжали бегать и прыгать за при-зрачными мыльными пузырями в детском восторге, пытались ухватить своё радужно переливающееся счастье.

Во дворе соседнего дома находилась столярная мастер-ская. Там вкусно пахло деревом, столярным клеем и было

много курчавых стружек. Там можно было найти обрезки брусков, реек и сделать из них рукоятку ножа или сабли. Мама заказала дяде Феде сделать нам шкаф. Вещи уже давно висели по стенам и украшали жилище блеском орденов и медалей на родительских гимнастёрках. Видимо от большой своей доброты он вдобавок смастерил мне грузовую машину. Когда я гордый пришел с ней на песчаные горы, мальчишки сразу же приняли меня играть в гараж, но очень скоро я оказался лишним. Им была нужна только моя машина.

Я не любил драться, но жизнь к этому постоянно подталкивала. В воскресенье вся мелкая послевоенная поросль Васькиного острова собиралась на киноутренник в заводской клуб – по нашему в Козу. После киносеанса шпана выясняла между собой отношения, привлекая в шайки ребят своих районов. Самое разумное было оттуда поскорее смыться. И уже в уютном закуточке крепости своего двора разобрать по косточкам, обмусолить просмотренный фильм: какими храбрыми были фельдмаршал Кутузов или Александр Невский, какие зоркие наши пограничники и какой умный у них пес Джульбарс. А после просмотра трофейного фильма «Тарзана» весь двор наполнялся его призывными кличами и пролетами пацанов над дровяными сараями на подвешенных бельевых веревках.

Когда появились волшебные ящики под названием теле-

визор, во дворе вспыхнули жаркие споры. Один был умнее другого. Самым авторитетным спорщиком был Вадик Крацкин. Его отец работал инженером на заводе им. Козицкого, где и делали эти телевизоры. Но даже он не мог объяснить, как в такой маленький ящик ученые умудрились запихнуть уменьшенных людей и лошадей?

Однажды мама Вадика, тетя Нина позвала нас на детскую телепередачу. Показывали французский короткометражный фильм Альбера Ламориса «Белогривый». Я даже не смог есть ароматный и румяный пирожок с капустой, которым угостила нас тётя Нина, до того захватил меня фильм. Эта, щемящая душу, история о дружбе мальчика и дикого белого жеребца запала мне в душу на всю жизнь. В фильме ловцы диких лошадей в топях Камарга поймали коня. Мальчик его выпустил на волю, и они вместе решили обрести свободу, прыгнув в морскую пучину. Свобода или смерть! И не иначе.

По вечерам мы с бабушкой ходили в булочную за хлебом. Батон с изюмом был самым доступным угощением и по воскресным дням мы его покупали. Он был очень похож на пасхальный кулич и делал день праздничным. В тот раз в булочной толпилось много народу и, чтобы не толкаться в очереди, бабушка вывела меня на улицу и велела ждать у входа. Я пялился на горы конфет в витрине, уложенные в пирамиды и пытался рассмотреть их фантики.

Около входа в магазин стояли калеки со снятыми шапками и, потряхивая ими, просили у добрых людей денежки. Некоторые были совсем без ног и сидели на дощечках с колёсиками из подшипников. Милосердные люди бросали им в шапки копейки, и они сверкали на дне шапок золотыми россыпями.

Мне это понравилось и, чтобы не терять время даром, я пристроился к просящим, снял свою шапочку и начал ею потряхивать. Я не успел получить свою милостыню, как вышла бабушка и дала мне по уху. Я даже не понял сначала, откуда свалилась эта оплеуха. Сначала я задохнулся от обиды, вопрошая, за что?! Потом понял, что кто-то из сограждан донес на меня бабушке.

Обычным нашим детским делом было слоняться по линиям и проспектам «Васьки» и глазеть на витрины магазинов. Больше всего мы любили смотреть на плавающих рыб в витрине рыбного магазина на Среднем и на горы конфет в китайских вазах с драконами. Самой близкой к дому была кондитерская на углу Среднего проспекта и Соловьёвского переулка. Но иногда, нарушая материнский запрет, мы пробивались до седьмой линии, где от фантиков разбегались глаза даже у Ленки Обуховой. А она то знала в конфетах толк. Её отец был полковником. Самих конфет я не ел. Видимо, маме и папе было не на что их купить. Но фантики нюхать друзья давали часто. Кто ел конфеты, рассказывал другим, что там

было внутри – орешки или вафельки, а иногда и настоящий ликер. Ну, это, они, конечно, ввали.

Но больше вкуса конфет меня завораживали своей красотой их обертки – фантики. Появилась такая мода – собирать коллекции фантиков и привирать, что ты якобы все эти конфеты ел и знаешь их на вкус. Хотя большую часть своих коллекций коллекционеры находили на тротуарах улиц и даже в урнах. Заглянуть в урну для меня было большим испытанием. Надо было долго дожидаться, пока все пройдут и никто не увидит, что ты рукой лезешь в урну. Зато потом, в тишине своего домашнего угла, зарывшись в книжки с попугаями, можно было не спеша вдыхать этот сладостный аромат какао из Бразилии?!

Коллекция моих фантиков и вкусовых ощущений была едва ли не самой скудной во дворе. Мой друг Вовка Захаров решил мне помочь. Он привел какого-то пацана, который предложил мне менку. Он мне фантики, а я ему ордена, которыми украшал свою курточку во время игры в войну. Я уверенно и быстро решил обменять медали «За отвагу» и «За Победу над Германией» на ворох разноцветных ароматных фантиков. Потом променял и медаль «За боевые заслуги». За каждую медаль парень щедро отваливал по десять бумажек. Глаза его радостно бегали. Он переминался с ноги на ногу и оглядывался по сторонам, будто хотел смыться по нужде. Но когда у меня остался мой любимый мамин орден «Красного Знамени», я крепко зажал его в кулаке и твер-

до сказал «Нет». Тогда парень поднес к моему носу фантик с, нарисованной на нём, Кремлевской Башней. От этого фантика так сильно пахло шоколадом, что у меня засосало под ложечкой. Мало того, от него струился еще какой то тонкий, незнакомый аромат.

– Чуешь? – спросил парень.

– Угу, – промычал я.

– Знаешь, что это?

– Что?

– Ликер, понял?

– Ты что, как же его туда наливают?

– Военная тайна. Таких конфет больше нигде нет. По заказу Сталина сделали. Понял?

– Понял.

– Бери, твое!

– Он с силой разжал мой кулак, и след его растаял в сумраке подворотни.

– Я почувствовал, что сделал что-то непоправимое.

– Дай понюхать, – занял Вовка.

– Я, конечно, ему дал. Мне было не жалко, потому что моя коллекция теперь разбухла фантиками разных конфет.

Вечером того же дня я с радостью сообщил маме и папе о своей удачной сделке. К моему удивлению мама заплакала. Нет, зарыдала. Я даже не мог понять, чего это она так рыдает из за каких то железяк. Конечно, орден был очень красивый.

Он мне и самому очень нравился. Красное, прозрачно-переливающееся красное знамя, звезда, листики дуба из чистого золота, а внутри – белая, как снег, эмаль. Мне и самому было орден очень жалко. Парень меня обхитрил. Но разве можно было его сравнивать с кремлёвской башней, источающей сладкий запах бразильского шоколада?

Мы с мамой долго бегали по дворам, но мальчика этого не нашли. Вовка обиделся, и мы с ним разругались на всю жизнь. Он ведь хотел сделать как лучше.

На Троицу дядя Федя изготовил нам шкаф, и мы его втиснули в нашу полуподвальную комнату двенадцати квадратных метров, перегородив её на две половины. На одной, у окна, спали мы с бабушкой, на другой, у печки – мама с папой. После летнего отдыха в деревне мама подзабыла про ордена и я разместил коллекцию своих фантиков на почетной верхней полке нового шкафа.

Осенью 1955 года задули холодные ветры. Мы ходили на Неву смотреть на волны и на то, как прибывает вода. Народу на берега высыпало много. Нам было весело. Из уличных громкоговорителей диктор тревожным голосом объявлял каждые полчаса о том, что вода прибывает и уже на целый метр выше какого-то ординара. Мы припустили домой, перепрыгивая огромные лужи, и с восторгом глядели, как из люков хлещет вода. Мама обрадовалась и повела меня

на второй этаж парадной лестницы, где жила Ирка Куриная. Там уже кишел народ из подвальных и первых этажей. Мы с Вадиком примостились на тюках с вещами у окна и стали ждать, когда по Третьей линии за нами приплывет «Аврора».

К утру вода спала. По радио объявили отбой. Когда мы вернулись в нашу комнату, в ней было по колено воды, шкаф плавал, плавали вещи и плавали мои фантики с нарисованными на них белыми лебедями, мишками на севере, косолапыми мишками в лесу, красными шапочками, тузиками, коровками, кремлевскими башнями, красными маками и всякими другими прелестями, напоминающими об их чудесном послевкусии во рту.

Академия

Прерванное войной строительство коммунизма продолжалось с нечеловеческим, звероподобным рвением. Из черной тарелки радиорепродуктора с утра гремели трудовые марши и из каждой песни по слову, как по капельке, сочилась коммунистическая идеология – работать, работать, работать. «Москва-Пекин, Москва-Пекин! Идут, идут народы!» Папа строил, разрушенный фашистами, Ленинград, мама лечила зубы строителям коммунизма, которые крошились у них от непосильного труда. Репродуктор внушал, что перевыполнив пятилетний план восстановления народного хозяйства в четыре года, советские люди заживут как... люди.

Бабушка всю жизнь была крестьянкой и домохозяйкой, грамоте была не обучена и нашла себе дело неподалеку от дома, на Университетской набережной в детском саду №25 Академии наук СССР. Здание Академии фасадом своим украшало берег Невы, а за ним тянулось каре двухэтажных зданий, образующих огромный двор. В одном из них находился детский садик для отпрысков ученых академии. Бабушке дали привилегию: можно было устроить в садик своего внука, то есть меня. Так, провидением я попал в высшее общество советской интеллигенции.

До этого счастливого момента я коротал свой досуг

во дворе нашего дома, среди поленниц дров и обшарпанных стен. Теперь каждое утро мы с бабушкой шли пешком в Детский сад №25 по третьей линии до Академии художеств, пересекали Соловьевский сад и по набережной Невы мимо Меншиковского дворца, мимо Университета, полюбовавшись Исаакиевским собором и шпилем Адмиралтейства, изгибом колоннады Сената и горделивой статуей Петра Великого, вскарабкавшись по ступеням крыльца Академии наук, любовались панорамой невских берегов и, завернув во двор Академии, оказывались в просторной зале младшей группы.

После сытного завтрака нас строили парами и вели через колоннаду биржи Томазо Таммона в сквер на стрелку Васильевского острова на прогулку. В ветреную погоду нас заводили в Академию наук, полюбоваться мозаичным панно Полтавской битвы. Вдоволь набегавшись, мы возвращались на обед. После обеда наступал «тихий час». В большой музыкальной зале, своими огромными окнами выходившими на Университет, бабушка с другими нянечками расставляли ряды раскладушки и укладывали весь детский сад спать среди бела дня.

Часть детского населения послушно закрывало глаза и начинало сопеть, наслаждаясь видениями снов. Но у другой части это мероприятие вызывало протест. Как? Среди бела дня отнимать время от бурной веселой жизни?! Разве мало для этого тёмной ночи? И мы придумывали всякие гадости.

Самым любимым занятием была демонстрация своих по-

ловых признаков – «глупостей». Смельчак или смельчачка вставали в кровати и поднимали подол ночной рубахи. Это вызывало ликование окружающих. На шум появлялась воспитательница и после нескольких замечаний удаляла злоумышленника в изолятор, предназначенный для больных острой инфекцией. После так называемого «тихого часа» полагался полдник – чай с печеньем, а потом в этой же зале проводились музыкальные занятия с песнями и танцами под звуки рояля.

Любимой тайной игрой в детском саду была забава с «женитьбами». Все переженились пять раз. «Поженившаяся» пара стояла вместе на прогулке и играла в одну общую игрушку. Разведённые пары ревновали друг к другу и чинили бывшим супругам разные пакости. У меня «ушедшие жены» вызывали чувство обиды и я их щипал. Они жаловались родителям и те проводили со мной воспитательные беседы.

На лето детский сад выезжал в Старый Петергоф и размещался в шикарной усадьбе царского банкира – Заячий Ремиз. Свадебные романы разгорались с новой, разогретой солнцем страстью. В очередную смену «жён» мне выпала царская невеста – Наташа Садикова, оказавшаяся ненароком дочерью заведующей детским садом Жанны Львовны. Она влюбилась в меня не на шутку и из боязни потерять меня игру эту прекратила, полагая, что прекратив игру, оставит меня своим «мужем» навсегда. Она сообщила об игре своей матери, та навела порядок и игра прекратилась. Я восстал.

И не потому, что Наташа мне не нравилась. Нравилась. И даже очень. Но из принципа. Человек должен быть свободным. И в детском саду тем более. Так неслось из радиорепродуктора:

– Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек.

Чего только не предпринимала Наташа Садикова, чтобы оставить меня в сфере своего влияния. По ее просьбе Жанна Львовна организовала бластную группу, состоящую из друзей Наташи, которая была свободна и могла шататься по окрестностям. Мы играли в дочки-матери, где я был папой, а Наташа мамой. Мы ходили в Новый Петергоф на фонтаны, где Наташа просила меня укрыть ее от назойливых брызг Самсона. Мы купались в прозрачных водах прудов около Розового павильона, и в мраморной барской купальне заросшей белыми лилиями, которую нам под большим секретом показал в глубине заросшего сада, садовник Отто Мартынович. А потом подсматривали, как девчонки выжимают свои трусики.

Когда мы организовывались в поход на фонтаны, по пути обязательно заходили искупаться на Ольгин пруд. Он был очень мелкий, по берегам заросший тиной. Девчонки в тину лезть боялись, но просили нас принести белые лилии, из которых плели очень красивые венки. Посреди пруда возвышались два острова с развалинами старых зданий, разрушенных во время войны. Мы доплывали до ближнего к нам ост-

рова и лазали по развалинам. Однажды между камней показался размытый дождями кусочек мозаичного пола с красивым геометрическим орнаментом. Витька хотел справиться на нем нужду, но я полез с ним в драку. Спор о правоте затянулся. Хлынул дождь и мы побежали прятаться в церковь Петра и Павла, в которой находился склад молочных бидонов. Мы сидели на бидонах и любовались росписями евангельских сюжетов на стенах. На фонтанах в будние дни совсем не было народу, и мы вольготно слонялись от одного фонтана к другому. Многие фонтаны лежали в руинах.

Прогулки к Бельведеру тянулись дольше. Мы шли вдоль цепи озер, питающих водой Петергофские фонтаны, купались, отдыхали и, наконец, забирались на единственный среди ровных, бескрайних полей высоченный холм, усаженный липовыми аллеями. На самом верху холма красовалось здание в античном стиле с огромной парадной лестницей, колоннадами и таинственным названием Бельведер. Раньше, при царе Николае I, это был дом для отдыха царской свиты. На окрестных полях устраивали псовые охоты. Теперь во дворце была столовая для трудящихся и отдыхающих в доме отдыха. Если сильно везло, нас угощали компотом с пончиками и, набегавшись по холму, мы полями возвращались домой.

Но самым любимым для нас было путешествие в Ораниенбаум. Туда мы ехали на поезде, а это считай – путешествие в другую страну. С нами ехал кто-нибудь из старших

ребят за водителя и на кухне нам выдавали бутерброды. Чаще всего с нами ездила мамина сестра Люся. Она была старше меня на 8 лет и летом работала вместе с бабушкой. Поезд катился вдоль берега залива, иногда углубляясь в густую чащу леса. Апельсиновых деревьев, как это следовало из названия города, нигде не было, только дубы, липы и ели, но нам и этого хватало. Радости и так было выше крыши. Пока поезд стучал колесами, мы играли в садовника.

– Садовник, садовник какой цветок ты больше всего любишь? Розу.

– Ой – вскрикивала Роза – влюблена.

– В кого? В Тюльпан.

– Ой – вскрикивал Тюльпан.

С вокзала через дубравы парка мы долго шли пешком до Китайского дворца, бывшей загородной резиденции Екатерины I, каким-то чудом не тронутой фашистами. А там, вытаращив глаза и растопырив уши, мы скользили в огромных, как у Маленького Мука, войлочных тапочках по узорам сказочных полов, запрокинув головы, разбирали замысловатые рисунки стеклярусных панно и китайских ваз и спорили о том, что при коммунизме будем жить в таких же дворцах. И даже лучше.

В жаркие июльские дни мы часами грелись под солнышком на террасе солярия, откуда был виден Бельведер, и ветви старых лип протягивались над нашими головами, благоухая ароматом небесного мирра. Наташа искала моей взаим-

ности и не находила. Она была мила и очень мне нравилась, но принцип был выше всего.

Однажды, чтобы выпендриться перед новой девочкой, появившейся в нашей группе, я полез на липу. Мы часто залезали на ветви старого развесистого дуба, стоящего посреди центральной поляны парка и, рассевшись по его мощным толстым ветвям, вспоминали сказки Пушкина или пели песни. Дерево, на которое я полез, тянулось вверх к солнцу. Я быстро вскарабкался на такую высоту, с которой мои друзья казались мне маленькими куклами из театра Карабаса. Все закричали, чтоб я спускался, а больше всех кричала новенькая. Она боялась за меня. Наташка молча плакала. Я полез выше. Окрест меня шевелились на ветру кроны деревьев, бархатными коврами зеленели поля, сверкали зеркалами пруды, вдали на холме возвышался своей колоннадой Бельведер. Вокруг со стрекотанием сновали стрижи. Я нащупал ногой ветку и полез еще выше. Ветка хрустнула и моя нога провалилась в бездну, я ударился головой о сук, затем на секунду повис на другом, который с хрустом треснув, пропустил меня к земле. Листья шуршали по лицу, а ветки хлестали, как розги. Сломав, пролетая, еще пару сучьев, я всем телом грохнулся на землю к ногам Наташки и новенькой. Меня полуживого отвезли в больницу. Академия была закончена.

Папа

*В память о моём отце – Николае Игнатьевиче
Вацилине*

Папа всегда меня обнимал, подбрасывал и целовал по многу раз в глаза, лоб и уши. Я с раннего детства эти нежности не любил и стеснялся. Чем старше я становился, тем больше наши отношения выглядели по деловому скупыми. Когда пилили и кололи дрова во дворе, когда носили и складывали их в поленницы, когда копали картошку в деревне у бабушки и грузили мешки в телегу. Такие нежности мне были по душе.

Мой отец родился 2 февраля 1917 года на севере Украины в селе Семеновке Глуховского района Сумской области. Полесье. Унылое местечко. В семье Игната было пятеро детей: Григорий, Евграф, Ольга, Николай и Лидия. Общинный промысел в деревне – пасека, пчелы, мед и воск – воцение. В Петрограде совершилась буржуазная Февральская революция, а потом и октябрьская большевистская, возвестившая зарю новой эры. Отец с детства воспользовался ее благами. Когда в Украине начался голодомор, отец подался в среднюю Азию и осел в Сталинобаде. Обучался в ФЗО (училище фабрично-заводского обучения) по специальности радиомеханик, а потом от военкомата в 1934 году окончил курсы шо-

феров. В то время шофера были такой же почетной профессией как 1960-е – космонавты. Шоферам выдавали кожаные краги, кепи и куртку. Поглазеть на машину собирались толпы зевак. В 1936 году со своим туркестанским другом Колей Клычевым по кличке Хан, отец пошел в армию. Они вместе так и воевали две войны.

Отец отвоевал Финскую войну и пошел на Вторую мировую. Прошел на танке в 150 танковой бригаде до Берлина. Вернулся с войны в орденах и без единой царапины. Маму мою встретил на фронте в январе 1944. На её груди ярко сиял новенький орден Красного Знамени. Но не он привлёк папу. Ярче ордена притягивала отца её печальная улыбка. Мамин первый муж Еремей погиб 28 июля 1943 года в бою за деревню Малая Углянка Смоленской области у неё на глазах. Папа год писал ей письма, прислал свою фотографию, а когда вернулся в 1946 году, они поженились.

Сыграв скромную деревенскую свадьбу и зачав меня, мои родители оказались на станции Локня Псковской губернии, куда мамину семью от родной Опочки загнала война. Папины родственники разъехались по стране. Один брат Григорий в Подольск, другой Евграф в Алма-Ату, а сестры остались в Украине, в городе Казатин. Отец нашел работу на локнянском молокозаводе и стал единственным кормильцем. Семья моей мамы была поражена в правах и не могла работать.

Деда Якова, маминого отца, в 1943 расстреляли смершов-

цы, как врага народа. Он был дорожным мастером. После очередного отступления дед закопал кусок сала во дворе дома, где остановились на постой. Тут немцы насели. Наши отступали так быстро, что дед сало выкопать не успел. Когда голод подобрался к самому горлу и двое детишек Люся и Толя помирали, дед перешел линию фронта, выкопал свое сало и поделился им со своим дружкой Лисициным. А тот, пылясь на его жену и на деда донес в СМЕРШ. Деда расстреляли без суда и следствия и закопали в лесу.

После войны стране по зарез нужны были рабочие руки. Восстанавливали города и заводы. Приехав в 1949 г. со мной на руках в г. Ленинград, отец устроился управдомом, но получив служебную жилплощадь, нашел себе в утешение место шофёра на грузовой полуторке. Отец разговаривал с ней, как с живым человеком, похлопывая машину своей ладонью по деревянным бортам кузова и железному капоту. Когда он проезжал по 3-й линии, вся детвора нашего двора набивалась в кузов и тряслась на дощатом полу по булыжной мостовой до угла с Малым проспектом, а потом, обсуждая удовольствие, возвращалась домой. Я шел очень важным и если кто-то передо мной не заискивал, грозился в следующий раз его не взять. Трудно тогда было понять, что отец заезжал домой на грузовике вовсе не случайно, и не по пути, а выкраивая дорогие рабочие минуты, чтобы прокатить сыночка с дружками.

Но верность и любовь наша была взаимной. Отец часто

приходил после работы пьяный. Тогда, после войны, на каждой улице было множество пивных ларьков, подвальных рюмочных и закусочных. Пивные ларьки стояли на углах улиц, как скворечники, обвитые черными хвостами очередей рабочих мужиков с пересохшими глотками. В очередях толпились герои войны с медалями, но без рук или ног, и пили за победу над Германией. Вспоминали подвиги, проклинали Хрущёва, осмелившегося очернить имя генералиссимуса Сталина. Спорили, за кого Жуков. Маршал Победы тоже был унижен на глазах его верных солдат. Правда многие из них молчали в тряпочку и на поверку оказались не такими уж и верными. Отец не мог пройти эти ловушки и доползал к дому уже по стене, часто падая на тротуар и, отлеживаясь у ног прохожих, до следующего марш-броска. Прохожие реагировали на это привычное зрелище спокойно, но пацаны гоготали и устраивали надо мной посмешище. Не смотря на косые взгляды и фырканья прохожих, я никогда не бросал отца на панели, волок его домой на своих детских плечах и укладывал на топчан. Матери ругаться не позволял, хотя самому мне очень не нравилось, когда отец был пьяный и терял над своим телом контроль. Однажды мать его не пустила домой, выгнала пьяного на улицу. Он уехал спать в гараж. Узнав о случившемся, я поехал в гараж на троллейбусе и уговорил отца вернуться.

В 1957 году отца посадили в тюрьму. Люди от нас отвернулись, а пацаны дразнили меня тюремщиком. Я терпел

и дрался с обидчиками. Отец оставался для меня непогрешимым. Тогда я не понимал, что он заступился за своего полководца Сталина и у пивного ларька обозвал Хрущёва недобитым кукурузником. Два года мы, потеряв в доме опору, страдали и сидели на голодном пайке. Но каждый месяц мы с мамой носили отцу передачи. Срок он отбывал на лесопавале в Коми и вернувшись из тюрьмы все вечера проводил у нашей печки.

Дома, у тёплой, потрескивающей поленьями, печки мы с отцом часто играли в шахматы или читали вслух книги. Моды смотреть телевизор не было, потому что не было телевизора. Из Германии отец привёз майоликовую пивную кружку с барельефами пьющих немок и немцев и надписью «DRINK IN RUHE IMMER ZU», патефон и несколько пластинок. Трофеи – дело святое. От этого и отец к ним относился с трепетом, берёг для будущих внуков. Оловянную крышку от пивной кружки я отломал быстро. Пластинки царапались стальной иглой и нещадно бились, выскальзывая из отцовских натруженных рук, когда он, заложив за воротник винца, неуклюже снимал их с патефона. У отца надолго портилось настроение. Но я, с завидным упорством, выпрашивал концерт и наша комната наполнялась волшебным голосом Энрико Карузо. Все пластинки, захваченные отцом у врага в отместку за пролитую кровь, были оперными. Мы усаживались в обнимку на оттоманке перед печкой и слушали сквозь слёзы арии на немецком и итальян-

ском языке. Захваченные отцом в Германии «Царица ночи», «Аида» и «Тоска» искали место в моей душе среди бравурных маршей энтузиастов. Когда трофейный патефон не выдержал пыток и взвизгнул лопнувшей пружиной, пластинки долго лежали молча. Потом мы купили радиоприёмник «Латвия» с проигрывателем и вернули к жизни всех любимых певцов и певиц. В репертуар семейных концертов всё чаще включались Ив Монтан, Леонид Утёсов, Лидия Русланова и Марк Бернес. Оперные пластинки начали на нас шипеть и в конце концов все перебились. Последним грохнувшись «Отелло». Папа судорожно искал повод обвинить во всём меня, но не найдя громко возопил «Твою мать!», косвенно объединяя нас с мамой в один партизанский отряд. У отца пропал соратник в его спорах с мамой о ревности. Сладкоголосое пение Дездемонны в ответ на вопрос о молитве, служило ему веским аргументом в правильности его взглядов на этот вопрос. Внукам не суждено было насладиться военными трофеями своих предков. Правда, из под пластинок осталась очень красивая коробка с изображением грамофона и собаки на крышке. Мама отдала мне её под коллекцию открыток и прочего детского хлама. Плохо понимая, кто такие внуки, я её старательно хранил от напастей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.